

Рассмотренные нами два топоса в исторических песнях о Ермаке — «выбор локуса (места) из возможных вариантов» и «перечень городов, которые надо скрытно пройти» — демонстрируют высокий уровень знания певцами географии России (по крайней мере, ее поволжского, донского, кавказского и сибирского регионов). Через географию, особо подчеркнем, реализуется одна из важнейших функций фольклорной традиции — функция исторической памяти устной народной словесности.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-198-203

© Е. Д. Кукушкина

**«ВДОХНОВЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ ВСЕГДА ВЫСОКОЕ...»
(ПРИТЧА А. П. СУМАРОВА «НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ»
И ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ФЕЛИЦА»)**

В «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» Г. Р. Державин рассказал, что к поэтическому творчеству его побуждают не только восторг и воодушевление, подобные тем, что он испытал при создании оды «Бог». Иногда, пишет Державин, «вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта». Оно «может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемлемое от воспеваемого предмета, обстоятельств или собственного состава и расположения поэта».¹

И. И. Дмитриев утверждал, что Державин умел получать творческий импульс от обыденных вещей, будничных впечатлений.² Обладал он также удивительным даром наполнять новым содержанием известные сюжеты, темы, образы и даже слова. Эту особенность его таланта, основанную на развитом ассоциативном мышлении, обнаруживали и современники Державина, и исследователи его творчества. Н. Ю. Алексеева отметила в «Оде на бракосочетание великого князя Павла Петровича с Наталией Алексеевной» (1773) и в одной из «Читалагайских од» (1775) «поиск своего слова на основе слова Ломоносова».³ Трудно сказать, какого рода вдохновение посетило Державина, когда он записывал на грифельной доске свое последнее стихотворение, подводя итог раздумьям о быстротечности жизни и непрочности славы. Исследователями отмечалась зависимость этих стихов от Библии, влияние на них барочной традиции,⁴ увлечение Державина философскими идеями И.-Г. Гердера.⁵ Не исключая всех этих факторов, назовем другой, более близкий источник: пятистрочное стихотворение М. М. Хераскова «Время».⁶ Его тема, композиция, ключевые слова и образы были творчески усвоены Державиным, сжаты до восьмистишия и обрели новую жизнь в поэтическом сочинении, получившем название по первым словам «Река времен».⁷

Как нам представляется, стихотворение Сумарова «Недостаток времени», касающееся важной в то время темы о дворянской службе и досуге, подтолкнуло Державина к собственным наблюдениям и размышлениям об этом и стало творческим импульсом для создания оды, новой по форме и содержанию.

¹ Соч. Державина с объяснительными прим. Я. К. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 523.

² Дмитриев И. И. Державин // Г. Р. Державин в воспоминаниях современников. СПб., 2018. С. 28.

³ Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 316–317.

⁴ Лаппо-Данилевский К. Ю. Последнее стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. ра. 2000. № 2. С. 156–157.

⁵ Ларкович Д. В. Державин и Гердер // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2011. Вып. 7. С. 28.

⁶ Херасков М. М. Время // Полезное увеселение. 1761. Ноябрь. № 20. С. 179. Подпись: М. Х.

⁷ См.: Кукушкина Е. Д. Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 107.

Важнейшим этическим требованием к дворянину, сформировавшимся в России в Петровское время, было постоянное или достаточно длительное его пребывание на государственной службе. Карьера чиновника, военного или придворного гарантировали ему достойный чин в табели о рангах и безбедное существование. Служба и карьера не потеряли своего значения в глазах общества ни после реформы 1762 года Петра III, освободившей дворян от обязательной службы, ни после «Жалованной грамоты дворянству» (1785), которой Екатерина II окончательно закрепила все дворянские привилегии. В этих условиях писатели, пытавшиеся утвердить свое право на литературное творчество, испытывали большие трудности и вынуждены были искать компромиссные решения. Н. М. Карамзин, нарушая нормы поведения, ожидаемые обществом от небогатого помещика и поступаая против желания родных, оставил военное поприще, и только получение звания придворного историографа обеспечило ему творческую свободу. И. И. Дмитриев чередовал службу с продолжительными увольнениями, во время которых занимался сочинительством, и завершил ее министром юстиции. Совмещать деятельность высокопоставленного чиновника с литературными упражнениями удалось Державину, но в своих «Записках» он неоднократно убеждал читателей, что занимался поэзией только в свободное от службы время. Творческий досуг еще долго рассматривался дворянским обществом как синоним праздности, отвлекающей от истинного служения государству.⁸

В несколько ином положении оказался Сумароков. Служба адъютантом графа А. Г. Разумовского и заведующим канцелярии Лейб-компаний позволила ему войти в высшее аристократическое общество. В 1751 году он получил чин полковника, затем бригадира, а в 1756 году был назначен директором только что учрежденного Российского театра, продолжая при этом числиться в армии. Но и после увольнения в 1761 году с директорства он продолжал получать прежнее жалованье, сначала по военному, затем по статскому ведомству. Согласно именному указу императрицы Елизаветы Петровны от 13 июня 1761 года, Сумароков получил возможность, «имея свободу от должностей, усугубить свое прилежание в сочинениях, которые сколь ему чести, столь всем любящим чтение удовольствия приносить будут».⁹ Несмотря на это, нахождение вне официальной государственной службы тяготило и его. В 1764 году, прося Екатерину II об очередном чине, он сетовал: «Я <...> не имею никакого места и должности. Я ни при военных, ни при штатских, ни при придворных, ни при академических делах, ни в отставке».¹⁰ Получение новых чинов отчасти примиряло его со сложившимися обстоятельствами. В январе 1767 года Сумароков был произведен в действительные статские советники, ему также был пожалован орден Св. Анны с девизом на орденской звезде — «Amantibus justitiam, pietatem et fidem» («Любящим справедливость, благочестие и веру»). Но в 1773 году, обойденный в очередном производстве в чины, он чувствовал себя оскорбленным.¹¹

Служением Отечеству стала для Сумарокова писательская деятельность. Ей он отдался со всей горячностью своей натуры. Веря в воспитательную миссию литературы, Сумароков уделил особое внимание сатире. Он учил своих соотечественников достойному поведению, укорял их, насмехался над ними и требовал служебного усердия от дворян.

Сатирическое стихотворение Сумарокова «Недостаток времени» впервые было опубликовано в 1781 году в «Полном собрании всех сочинений». Оно включено в пятую книгу притч. При жизни автора стихотворение не печаталось и попало к издателю, по-видимому, вместе с другими бумагами Сумарокова. С притчей, равно как и с басней, его роднят разностопный стихотворный размер, воспроизводящий разговорную интонацию, и обобщенный образ персонажа:

⁸ Клейн Й. Служба, лень и сладостный досуг в русской дворянской культуре XVIII века // XVIII век. М.; СПб., 2017. Сб. 29. Литературная жизнь России XVIII века. С. 159–173.

⁹ Сообщение И. И. Шувалова придворной конторе об увольнении А. П. Сумарокова по его желанию из театра на пенсию // Ф. Г. Волков и русский театр его времени: Сб. материалов. М., 1953. С. 144, 146.

¹⁰ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 96.

¹¹ Там же. С. 165 (письмо Екатерине II от 20 мая 1773 года).

Жив в праздности в уделе
И в день ни во един
Не упражнялся в деле
Какой-то молодой и глупый господин.

Сумароков описывает дворянина-бездельника, который

...и мыслию до дел не достигает,
Единой праздности он друг,
Но ту свою вину на время возлагает,
Он только говорит: севодни недосуг <...>
На время он вину кладет,
Болтая: времени ему ко делу нет.

Назидательный характер стихотворения усиливается использованием сниженной лексики, которой Сумароков характеризует человека, не приносящего «отечеству ни малых услуг» и проводящего «во тунеядстве век»: «...не член он тела, бородавка. / Не древо в роще он, но иссушенный кол, / Не человек, но вол, которого не жарят»; «Могу ль я чтить уroda, / Которого природа / Произвела ослом?»

Сумароков описывает времяпрепровождение своего персонажа, не удерживаясь от уничижительных характеристик:

Пришло к нему часу в десятом время;
Он спит,
Храпит.
Приему время не находит <...>
В одиннадцать часов пьет чай, табак курит <...>
Так времени его способной час не ведом.
В двенадцать он часов пирует за обедом <...>
А под вечер, болван, он, сидя, убирает
Не мысли, волосы приводит в лад,
И в сонмищи публичны едет, гад,
И после в карты проиграет.

Моральный вывод, сформулированный в финале, придает тексту расширительный смысл:

Несчастлив этот град,
*Где всякой день почти и клуб и маскарад.*¹²

Последние строки стихотворения позволяют его датировать.

Петербургский Английский клуб, получивший название Английского собрания, был официально учрежден 1 марта 1770 года по инициативе английского купца Фр. Гарднера (1745–1813), однако фактически он функционировал уже в 1769 году. Его посещали многие представители петербургского общества. Число членов клуба вскоре достигло 300 человек. В 1776 году был открыт Мещанский клуб. Его членами стали представители «весьма различного звания и состояния, начиная от ремесленников до людей подполковничьего чина, то есть 7 класса». В «Описании российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга...», составленном И. Г. Георги, говорится, что посетители клубов «могут приходить ежедневно и читать Ведомости, играть в карты, шашки, шахматы и билиард, курить табак, хорошо кушать и пить за умеренную цену. Зимой бывают в клубе два, иногда и три бала...». Однако, по мнению Георги, такие заведения «производят вредные следствия: они поощряют к праздности, умножают страсть к игре...».¹³ Не одобрял появление клубов и Сумароков. В 1772 году он

¹² Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 7. С. 253–254. Курсив мой. — Е. К.

¹³ Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 634.

сатирически описал времяпрепровождение членов клуба в одном из эпизодов комедии «Вздорщица». В Москве первый клуб, исключительно для дворян, был учрежден в 1780 году.

Особенностью творческой манеры Сумарокова было включение в тексты своих произведений упоминаний злободневных фактов реальной жизни. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что сатирическое стихотворение «Недостаток времени» было написано в конце 1769 — начале 1770-х годов. Эмоциональный накал, которым оно дышит, наводит на мысль, что у Сумарокова был личный повод обвинить в праздности и нежелании заниматься служебными обязанностями некоего чиновного вельможу, от которого он зависел. Существование реального прототипа, по-видимому, сделало невозможным публикацию этого стихотворения.

Выход в свет собрания сочинений Сумарокова не мог остаться незамеченным Державиным, он значился в числе подписчиков на него. Литературное творчество Сумарокова всегда было в поле его внимания. Г. А. Гуковский увидел «явные следы последовательного подражания Сумарокову» в юношеских эпиграммах Державина и его песнях.¹⁴ С. Н. Глинка находил в оде Державина «Вельможа» тематические заимствования из «Письма о достоинстве» и рассуждения «О добродетели» Сумарокова.¹⁵ В самой ранней из дошедших до нас од Державина, написанной в 1767 году, Н. Ю. Алексеева заметила стих, полемически направленный против неудачного стиха Сумарокова, а в оде Державина «На смерть князя Мещерского» — развитие темы, затронутой Сумароковым в оде «На суету мира».¹⁶ Державин был возмущен эпитафией Сумарокова, сочиненной в связи с публикацией эпопеи Ломоносова «Петр Великий» (1760–1761), и сочинил на нее пародию, используя стихотворный размер и рифмы Сумарокова.¹⁷ Очень точно охарактеризовал отношение Державина к творчеству Сумарокова Я. К. Грот. В биографии поэта он писал: Державин, «ставя себе за образец Ломоносова, не считал Сумарокова достойным подражания. Действительно, хотя в отдельных чертах сочинений Державина и заметны следы влияния Сумарокова, можно утверждать положительно, что в кругу лучших писателей екатерининской эпохи уважение к Ломоносову исключало всякую мысль о подражании его сопернику, — правда, во многих отношениях также даровитому, но лишенному поэтического чутья и вкуса».¹⁸

Свидетельства знакомства Державина со стихотворением Сумарокова «Недостаток времени» обнаруживаются в оде «Фелица», сочиненной на следующий год после выхода в свет Полного собрания сочинений Сумарокова, т. е. в 1782 году.¹⁹ Их можно заметить в теме оды, ее разговорной интонации и в отдельных лексических сближениях, рассеянных в строфах оды со второй по шестую.

Стихи Сумарокова и ода Державина существенно различаются по объему, по авторским задачам, написаны в разных поэтических жанрах, несопоставимы по художественным достоинствам. Сумароков, не выходя за рамки сатиры, чувствует моральное превосходство над героем своего стихотворения и полагает, что вправе осуждать его за преступную праздность. Державин неотделим от своего лирического персонажа, хотя и не идентичен ему. Тему службы он затрагивает лишь вскользь.

Вдохновение, питавшее Державина при написании оды, по-видимому, возникло от неприятия вызывающе-грубой сатиры Сумарокова, ее прямолинейно-назидательного тона. Ситуации, описанные в сатирическом стихотворении, Державин показывает глазами человека, которого Сумароков так жестоко осудил. Иносказательно обращаясь к Екатерине II, лирический персонаж оды причисляет себя к тем, кто не слишком озабочен служебными обязанностями, кто «мятется житейской суетой», стал «рабом» собственных «прихотей» и не знает, как жить «пышно» (в вариантах

¹⁴ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 188–190.

¹⁵ Глинка С. Н. Очерки жизни и избранные сочинения Сумарокова. СПб., 1841. Ч. 1. С. 164; Ч. 2. С. 20–21.

¹⁶ Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 313, 327.

¹⁷ См.: Соч. Державина с объяснительными прим. Я. К. Грота. Т. 3. С. 247–248.

¹⁸ Там же. Т. 8. С. 268.

¹⁹ Опул.: Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 1. С. 5–11 (без указания автора).

1783 и 1798 годов «честно») и в то же время «правдиво». Как и персонаж сумароковского стихотворения, он предается долгому сну, а затем ленивым утренним фантазиям, которые обманчиво тешат его самолюбие. При этом Державин слегка перефразирует Сумарокова:

*А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью,
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою.
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю...*

Стих Сумарокова «В двенадцать он часов *пирует* за обедом...» преобразуется у Державина в подробное, сочное описание богатой трапезы. Сквозь легкое самоосуждение в оде отчетливо проступает другое чувство — наслаждение жизнью:

*Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.*

Обращаясь к Фелице, Державин упоминает и другие светские развлечения, о которых с осуждением писал Сумароков и которыми Фелица пренебрегает:

*Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.
Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой...*

Противопоставляя в оде праздность вельмож трудолюбию императрицы, Державин отталкивается от сумароковской трактовки лирического персонажа и подробно, красочно, действуя, по словам Г. А. Гуковского, «на чувственное воображение»,²⁰ описывает через множество «я» жизнь представителей «развратного» света, блуждающих «между тщеславья и пороком»: «Или с красавицей какой / Я под качелями гуляю...», «Или о всех делах заботу / Оставля, езжу на охоту / И забавляюсь лаем псов...», «Или над Невскими берегами / Я тешусь по ночам рогами...», «Иль сидя дома, я прокажу...».²¹ По наблюдениям И. Клейна, такое количество местоимений первого лица появится у Державина позже лишь в оде «Бог»,²² но заметим, что в ней многократно повторяющееся местоимение «я» получит иной, более высокий уровень обобщения: не я — вельможа, а Я — Человек.

Сумароковская сатира, переосмысленная и поэтически преобразованная Державиным, привнесла в жанр похвальной оды новые, дотоле неизвестные ей смыслы и художественные приемы. Державин наделяет своего лирического персонажа множеством различных индивидуальных черт, наполняет описание его досуга жизненными подробностями и по-своему их интерпретирует. Персонажем оды становится вельмо-

²⁰ Гуковский Г. А. Первые годы поэзии Державина // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 198.

²¹ Цит. по: Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 302–308. Курсив мой. — Е. К.

²² См.: Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 496.

жа с его недостатками и слабостями, а содержанием — поиск добродетели в обществе, где «соблазн и лень живет». Насмешка и осуждение, подспудно существующие в двадцати шести строфах оды и намекающие на лиц из окружения императрицы, растворяются в похвалах ей и в авторской самоиронии.

Появление в печати Полного собрания сочинений Сумарокова, подготовленного Н. И. Новиковым, стало свидетельством глубокого уважения к первому в России профессиональному писателю. Но оно показало, что целый этап развития литературы, связанный с его творчеством, во многом завершился, а его «воинствующая непримиримость»²³ представлялась теперь устаревшей.²⁴ Свободное от службы время, ставшее объектом политики еще в Петровское время (вспомним его «ассамблеи»),²⁵ при Екатерине II получало новое наполнение. Приятный досуг теперь должен был отвечать требованиям нравственности и пользы. Екатерина II, как показывает Державин в оде, в свои «от дел отдохновеньи» пишет сказки, указывая читателям пути к добродетели. К поэзии она относится не только снисходительно, но и с одобрением: «Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна...». По мнению Державина, это делает возможным поощрение ею тех подданных, кто занимается сочинительством.

Ожидания поэта оправдались, своим поэтическим сочинением он снискал благосклонность императрицы и известность в обществе, а русская поэзия обогатилась одой нового типа. Существенную роль в этом сыграл Н. И. Новиков, скрупулезно собравший и опубликовавший творческое наследие Сумарокова.

²³ Стенник Ю. В. Сумароков // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 569.

²⁴ См.: Алексеева Н. Ю. Репутация Сумарокова-поэта в начале XIX века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 95–117.

²⁵ Клейн Й. Служба, лень и сладостный досуг... С. 171.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-203-214

© К. А. Баршт

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ: ВОПРОСЫ ПУНКТУАЦИИ*

Необходимость отражения воли автора при публикации памятника литературы, казалось бы, давно определена, задачей текстолога является сохранение ее в максимально полном виде при исправлении типографских погрешностей и цензурно-редакторских искажений. Если произведение литературы было создано в иную эпоху и в иной языковой среде, возникает вопрос об орфографии и пунктуации, равно значимых для образования текстового смысла. Для России, с некоторыми потерями последних десятиков лет все еще «литературоцентричной страны», этот вопрос выходит за рамки филологической науки, обретая важное общественно-культурное значение.

К сегодняшнему дню изданы или издаются два десятка Полных собраний сочинений Ф. М. Достоевского,¹ созданных на разных уровнях «полноты» в рамках различных текстологических принципов, от «канонических текстов» Петрозаводского университета, с попыткой воспроизвести тексты в максимально возможной полноте графики

* Автор выражает благодарность коллегам, оказавшим содействие в работе над статьей: Н. В. Перцову, С. В. Березкиной, И. Е. Кузнецовой, М. Я. Дымарскому.

¹ Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб., 2011. С. 7–11.